

Ніна РЫБІК

СПАТКАННЕ З РАДЗІМАЙ

Чарнобыль, невялікі старажытны гарадок на поўначы Украіны, які вядзе сваё летазлічэнне ажно з 12 стагоддзя, са сваім адметным тварам, гісторыяй, традыцыямі, у 1986 годзе, стаў ужо не столькі горадам, колькі паняццем, сімвалам, які азначае для каго найвялікшую ў гісторыі чалавецтва тэхнагенную аварыю, для каго злачынства тагачаснага кіраўніцтва краіны супраць свайго народа, для каго гераізм людзей, што практычна голымі рукамі абаранілі планету ад ядзернай катастрофы, для каго асабістую трагедыю ці паламаны лёс.

Я – з апошніх. Пасля аварыі на Чарнобыльскай АЭС, як і тысячы маіх землякоў, жыхароў паўднёвых раёнаў Гомельшчыны, засталася чалавекам без радзімы, які ў сваю вёску, да родных магіл і пакінутай бацькамі хаты, можа наведацца толькі раз у год, на Радуніцу...

І не верце таму, хто сцвярджае, што машыны часу няма і яе не можа быць у прынцеце. Яна ёсць – я сама на ёй падарожнічала...

Вёска Уласы Хойніцкага раёна, дзе я нарадзілася, у якой прайшло дзяцінства, дзе я вучылася сябраваць і даведалася, што на свеце ёсць не толькі дабрыня і спагада, але і зайздрасць, злосць і здрада; дзе спазнала ўсю слодыч і горыч першага кахання, дзе ў невяліччай драўлянай хаце ў лазовых хадунках зрабілі першыя крокі не толькі я і старэйшыя браты і сястра, але і мае сын і дачка; дзе

вялікая руская печ яшчэ памятае ўвішныя нястомныя мамыны рукі, а пакінутыя гаспадаром і сваімі крылатымі насельнікамі пчаліныя вуллі пакрыўджана чакаюць іх вяртання – вёска Уласы памерла ў першыя дні мая 1986 года. Раптам, у адзін момант, калі ў чырвоную суботу, напярэдадні Вялікадня, адсюль вывезлі ўсіх жыхароў, у тым ліку і маіх бацькоў – як тады казалі, на тры дні. Якія цягнуцца вось ужо амаль сорак гадоў...

...Пасля таго я прыязджала сюды двойчы. Першы раз – у лістападзе 1987 года. Самае моцнае ўражанне ад таго спаткання з радзімай – цішыня. Так сталася, што тады на нейкі час я засталася ў вёсцы адна – зусім адна! І ў нейкі момант, калі сціх гул ад'ехаўшай у другую вёску машыны, зразумела, што такое мёртвая, абсалютная цішыня, якая не парушаецца ні словам чалавека, ні плачам дзіцяці, ні шчэбетам птушкі, ні стукам малатка, ні рыпеннем нязмазаных дзвярэй... Гуканепранікальны маналіт давіў з такой сілай, што здавалася: яшчэ імгненне – і мяне не стане, і я таксама стану цішынёй, маленькай малекулай у гэтым маналіце... Тады мяне выратавала варона, якая каркнула недзе ўдалечыні – і вярнула да рэчаіснасці, паведаміла, што свет жыве нават у мёртвай вёсцы. Тое "Кар-р!" было як гімн жыццю!

У другі раз мы прыехалі сюды з сястрой у 2000 годзе, на Радуніцу. Тады для мяне адкрыццём стала разуменне, што прастора здольная сціскацца. Фізічна, у літаральным сэнсе гэтага слова. Высокая горка, з якой мы, дзятва, каталіся на санках, знікла, зраўнялася... Доўгая вуліца да магазіна і могілак стала – вокам кінуць, крок ступіць... Перашыек алешніку за гарадамі, куды мы летам штодня бегалі збіраць духмяную маліну і адкуль, стомленыя, брылі дахаты, здаецца, цэлюю вечнасць, цяпер на адлегласці выцягнутаі рукі...

А яшчэ тады я зразумела, што няма мяжы як у чалавечай дабрыні, так і ў людской хцівасці і сквапнасці. Тое, што з адселеных дамоў вывезлі-выцягнулі ўсё, што мела хоць якую-небудзь каштоўнасць: бытавую тэхніку, мэблю, лепшы посуд і іншае – я адзначыла яшчэ ў першы свой прыезд. І не проста вывезлі, а пабілі-патрушчылі ўсё тое, што забраць не змаглі ці

не схацелі. На маё шчасце, у нашай хаце тады засталася самая галоўная для мяне каштоўнасць – сямейныя фотаздымкі: яны валяліся россыпам на падлозе, патаптаныя бруднымі ботамі, каторыя – пакамечаныя. Я забрала іх.

А пазней чарга дайшла да хат. Цяжка сказаць, каму і навошта спатрэбілася дрэва з нашых не самых дыхтоўных дамоў: лясы ў нашых мясцінах – не астравецкія гонкія сосны, а большай часткай лістоўныя пералескі. Але мая сяброўка і яе сям'я былі ў неапісальным шоку, калі, прыехаўшы на спатканне з родным домам, ўбачылі на яго месцы толькі рэшткі разваленай печы... Даруй, Госпадзі, тым, хто гэта зрабіў, бо не ведалі яны, што тварылі... А калі ведалі і рабілі, то якой жа страшнай павінна быць кара за гэты грэх – зруйнаваную памяць, рабаўніцтва мёртвага цела бязвінна забітай вёскі...

У той свой прыезд мы сустрэліся з аднавяскоўцамі – іх у той год прыехала ва Уласы шмат, цэлы аўтобус – амаль усе, хто меў сілы і хоць найменшую магчымасць дабрацца на спатканне з радзімай. І перабачыліся, з цяжкасцю пазнаючы пасля столькіх гадоў расстання колішніх аднакласнікаў і іх бацькоў, і нагаварыліся, наўспаміналіся, нафатаграфаваліся... Гляджу сёння на тыя фотаздымкі: многіх у той прыезд я бачыла ў апошні раз...

І вось – чарговае спатканне. Не магу растлумачыць нават самой сабе, чаму я так хвалюся. Некалькі начэй запар мне сніцца, што я еду ва Уласы – і не магу праехаць па зарослай вербалозам дарозе, увогуле не знаходжу гэтую дарогу, не пазнаю сваю вёску, не магу знайсці магілы дзядоў і бабуль на вясковых могілках, што ніхто не прыехаў на гэты раз у вёску, і я там зноў, як шмат гадоў таму, адна...

На самой справе ўсё не так. Паездка зноў прымеркавана да Радуніцы – гэта адзіны дзень у годзе, калі ў зону адсялення пускаюць без спецыяльных дакументаў, толькі па рэгістрацыі на пункце пропуску. Вядома, многія імкнуцца скарыстаць гэтую магчымасць: месца і час сустрэчы са сваёй радзімай застаюцца нязменнымі на працягу ўсіх паслячарнобыльскіх гадоў. Таму даро-

га зусім не пустынная, хутчэй наадварот: машыны едуць і ў адселеныя вёскі і ўжо – што асабліва здзіўляе: ранак жа яшчэ! – назад! У нас з сястрой неадольнае жаданне кожную са стрэчных машын спыніць і спытаць: “Вы не з Уласоў вяртаецеся? Хто вы, чые?” Нам страшна не сустрэцца з некім з землякоў – ізноў на гады, а можа – і назаўсёды.

...Вясковыя могілкі на пясчаным грудку ў атачэнні калматых хвой і каржакаватых дубоў – самае жывое месца ва ўсёй вёсцы. І самае дагледжанае. Не пакідае адчуванне, што ты трапіў не проста ў мёртвую вёску, а ў паселішча, дзе, як бы парадаксальна гэта ні гучала, жывуць толькі мёртвыя. Зарослая травой вуліца, якую пачынае ўжо браць у палон непрылазны хмызняк, адзіныя сцежкі на якой пратапталі дзікі і ласі – іх сляды мы сустракаем на кожным кроку. Дамы – закінутыя, каторыя – зруйнаваныя, платы – паваленыя.

І сярод гэтага запусцення – яркія фарбы: пабелены і свежапафарбаваны помнік загінулым землякам. У амаль ідэальным парадку – брацкая магіла, дзе падчас вайны былі забіты 160 маіх аднавяскоўцаў, імёны якіх я ведаю толькі па кнізе “Памяць” ды па ўспамінах матулі, якія – ах, гэтае наша адвечнае, недаравальнае, невыправімае “няма часу” – я так і не паспела запісаць. На могілках “рвуць вока” свежыя ручнікі, фарбы на свежапафарбаваных крыжах і агароджах родных магіл і яркае разнаквецце жалобных вяноў і штучных букетаў... На магілках па спрадвечнай вясковай традыцыі – фарбаваныя яйкі, пасхальныя булкі, рознакаляровыя фанцікі цукерак...

І – аднавяскоўцы! Нашы людзі! Уласоўцы! Родненькія, мілыя, дарагія! Мы з цяжкасцю пазнаем адзін аднаго – столькі часу не бачыліся. Але ад таго сустрэча не менш дарагая...

І толькі пасля таго, як мы павітаемся і пагаворым са сваімі землякамі – жывымі і мёртвымі – на могілках, разыходзімся па сваіх хатах – павітацца і з імі. Сказаць “дзякуй” беленай вялікай печы, якая некалі грэла нас і на якой было выслухана столькі казак, цікавых, смешных, страшных гісторый, у “шырку” якой мы, малеча, падглядвалі за дарослымі гасцямі, у пячурках якой

сушылі зімой прамоклыя ўшчэнт рукавіцы... Патрымацца за стол, на якім мамінымі стараннямі заўсёды стаялі рассыпчатая пшонная каша, наварысты боршч, пульхныя бліны, а па святах – непераўздызеныя па смаку варэнікі з макам, духмяны салцісон, які ў нас называлі коўбікам, і ніколі і нікім не зробленыя лепш крывянкі. Пагладзіць бацькаву зашмальцаваную спяцоўку, якая так і вісіць у куце на цвічку побач з маленькай куртачкай майго сына – яе Косця апранаў, калі прыязджаў у госці да бабы з дзедам. Калыхнуць ложкачак, у якім некалі спалі мае малыя дзеці – а цяпер ён стаіць, выкінуты, на вуліцы... Зазірнуць у калодзеж з некалі цыбатым, а цяпер скалечаным “жураўлём”: не напоіць ён ужо мяне сваёй найсмачнейшай у свеце гаючай вадой...

...Я, журналістка і пісьменніца, сябра двух творчых саюзаў, не магу падабраць словы, каб расказаць усё тое, што творыцца ў знямелай душы. Такое адчуванне, што мяне на машыне часу перакінулі больш як на тры дзесяцігоддзі назад. У нейкае іншае вымярэнне, дзе ўсё да болю, ды замірання сэрца блізкае і дарагое – і адначасова нерэальна, немагчыма чужое. Туды, дзе перастала існаваць прастора, спыніўся час, маюць уласціvasць знікаць гукі. Дзе жывуць па уласных законах толькі мёртвыя – дрэвы, рэчы, крыжы. А жывыя раз у год прыязджаюць, каб спаткацца з імі. Не для таго, каб развярэдзіць душу, а каб, нягледзячы на ўвесь невыносны цяжар гэтага спаткання, які будзе ціснуць на сэрца яшчэ не адзін дзень, адчуць, узгадаць, пераканацца, што ты – не іван бязродны, што і ў цябе на гэтым свеце ёсць мясцінка, дзе чакаюць твайго прабачальнага дотыку і радунічнага фарбаванага яйка дзедаўскія магілы, дзе закапана твая пупавіна, дзе жоўты сыпучы пясок памятае, як грузлі ў ім спякотным летнім днём твае босыя ногі, а бэз, што захапіў у палон увесь кветнік – гук твайго першага пацалунка...

Дзеля гэтага раз у год, на Радуніцу імчаць у зону адсялення зблізку і здалёк машыны, вязуць на спатканне з радзімай яе раскіданых па ўсім свеце дзяцей...

Выкарыстаны фота з асабістага архіва аўтара

Ольга ДИКАНОВА

СУДЬБА

ГЛАВА 1

Судьба!

Кто-то в неё не верит. Кто-то считает судьбу стечением разных жизненных обстоятельств. Кто-то скажет, что это скопление случайностей. А кто-то убеждён, что жизнь человека, семьи, коллектива, города, страны, всего мира predetermined силами свыше.

Кем predetermined жизнь человека, общества? Чем обусловлены счастье, успех, здоровье?.. Или наоборот, неуспех, неблагополучие, болезни, страдания людей – за что, откуда всё это? Мы часто склонны обвинять себя, близких, знакомых, начальство в своих бедах, в ссорах, в войнах. Но кого винить в случившейся беде сразу в нескольких государствах, в беде многих народов, в беде невинных людей, произошедшей 26 апреля 1986 года на Чернобыльской атомной электростанции!..

Взрыв, которого не должно было произойти ни в коем случае по всем канонам науки и нашего современного общества, сломал в одно мгновение судьбы тысяч и тысяч людей. Я как автор этого очерка хочу осветить эти события, описав жизнь одной семьи и всех, кто был рядом с ней в эти трагические дни, месяцы, годы.

ГЛАВА 2

Город Брагин – замечательный, небольшой, уютный городок на южных границах Республики Беларусь, город, в котором соединились два юных сердца – встретились Анечка из деревни Пожарки и Гришаня из деревни Варовщины. Малыши пережили они фашистскую оккупацию. На руке у Гриши осталась отметина – глубокий шрам, когда при бомбёжке его сестра закрыла собой малыша, но его руку спрятать не успела.

Молодая пара работала, как и все сельчане. Давно известно: хлеб всему голова. Работали в колхозе: сеяли хлеба, выращивали скот, домашнюю живность, строили свой дом. Семейство прибавлялось, рождались дети – радость и опора, как поётся в песне, две дочки, два сыночка: Любочка – в 1961 году, Томочка появилась на свет в 1963 году, Петенька – в 1965-м, Гришаня – в 1969-м. Ребята росли крепкими, дружными, добрыми и работающими. Все стремились к знаниям. Успешно переходили из класса в класс.

В доме часто звучали песни на белорусском, украинском, русском языках.

Домашние играли на гармонике, балалайке, гусях. Знатной певуньей была мама Анна Степановна. Ей подпевали её муж Григорий Ильич и подрастающие дети. В праздники и вечерами дом наполнился гостями. И снова звучали песни, а иногда полы прогибались под ногами, танцующими кадрили.

1985 год. Пётр, как и положено, отслужив в армии, вернулся домой. Получив водительские права, трудился вместе с отцом. Хотел стать хлеборобом. Любочку позвала романтика. Вышла замуж за офицера и объездила с ним немало городов Советского Союза. Только ласточки-письма летели в родной дом. Сейчас она в Москве.

Тамара осталась рядом с папой и мамой. Стала помощницей и опорой ещё молодым родителям. Строила свою судьбу, свою семью. Со временем устроилась работать в торговле, в общепите.

Григорий, сдав экзамены за восьмой класс, поступил в совхоз-техникум в Жиличах, где успешно постигал и закреплял азы агрономической науки. Учился по направлению колхоза имени Юрия Алексеевича Гагарина, который находился в Брагинском районе. Учился хорошо, был активистом, заводилой и в учёбе, и в труде, и в общественной жизни. Как родители, как старшие сёстры и брат, слыл человеком весёлым, лидером в хороших начинаниях.

Когда наступил этот трагический день – 26 апреля 1986 года, Грише исполнилось всего шестнадцать лет. По местным меркам не всего, а уже. Дети в сельской местности выросли быстро.

ГЛАВА 3

Кто же мог знать, что это весеннее утро разделит жизнь этой семьи, жизнь всей страны на «до» и «после».

Сообщений в первые дни было мало. В верхах царил некоторая растерянность – что же надо делать.

1-го мая в Брагине, как обычно, состоялся праздничный парад в честь Дня труда и солидарности трудящихся. Стоял тёплый, ветреный денёк. Направление ветра – с юга на север. В руках демонстрантов – флаги, цветы, распутившиеся ветки ольхи и цветные воздушные шары. В неспешно идущих праздничных колоннах – коллективы предприятий, студенты, школьники, родители с детьми на руках.

Люди не знали, не понимали, что опасность в виде радиации распространяется по всей округе, затрагивает не только нашу страну, но и страны Европы, Азии...

Много позже появится информация о том, что радиоактивное облако неоднократно обогнуло всю нашу планету и осело в виде пыли и дождей по всей территории. Больше всего радиации досталось Республике Беларусь, России и Украине.

И всё же стали поступать распоряжения по поводу спасения людей и животных. Все мирные жители ближайших населённых пунктов вокруг Брагина целыми семьями принимали участие в этих трагических, по сути уже военных событиях.

Глава семьи Григорий Ильич Неплюев, крёстный Иван Семёнович Назаренко, старший сын Пётр – на автобусах, автомобилях вывозили людей из загрязнённой тридцатикилометровой зоны. Отъезжающим брать разрешалось только документы и небольшое количество личных вещей. Людей размещали на личных подворьях, в школах, пионерских лагерях, гостиницах в разных, отдалённых уголках Советского Союза.

В первые несколько дней город Припять и все окрестные деревеньки опустели. Для всей страны эти места стали символом беды. В один миг масса людей, жившая благополучно и счастливо, стала обездоленной.

Страна взяла всю ответственность за случившееся на себя. Над повреждённым реактором в срочном порядке возводился купол – саркофаг. Для ликвидации последствий аварии были привлечены войска и огромные материальные ресурсы, начиная со строительных материалов, одежды и продовольствия. Были направлены и все имеющиеся медицинские ресурсы.

Мама, Анна Степановна Неплюева также работала в группе по оказанию помощи и ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. В десятикилометровой зоне был обустроен пункт питания для ликвидаторов. Несколько больших брезентовых палаток, объединённых в общий блок, снабжённый всем необходимым: столами, стульями, посудой, обеспечивал готовой едой всех ликвидаторов. Еду привозили из чистой зоны в военных герметичных термосах на колёсах или

на машинах в термосах поменьше. Чистая, питьевая вода стояла в бочках везде и всегда. Лето выдалось жаркое. Задачей Анны Степановны, заведующей этой столовой, стало обеспечение питанием военных и гражданских лиц, всех тех, кто ликвидировал последствия страшной техногенной катастрофы.

ГЛАВА 4

В 50-километровой зоне оставалось много населённых пунктов. Жителей пока не отселяли, и в течение нескольких лет они стали невольными ликвидаторами. Впрочем, по желанию, они могли уехать к родственникам, но большинство осталось. Ведь это была их Родина, их родной, дорогой сердцу уголок, земля, где они выросли, где покоятся их близкие.

Затем встала другая задача. Надо было восстанавливать земли для дальнейшего их использования в сельском хозяйстве: сеять хлеб, растить скот.

Григорий Ильич, Иван Семёнович и Пётр по заданию руководства снимали верхний слой грунта в полях и вывозили его на специально отведённые места – могильники. На этих работах были задействованы многие жители заражённых радиацией деревень и городов Беларуси.

Шло время. Казалось, жизнь постепенно налаживается. Но... В дом к Неплюевым поступало горе.

В 1992 году совсем молодым ушёл из жизни отец семейства Григорий Ильич Неплюев. Инфаркт. В медицинском заключении значилось: последствия аварии на ЧАЭС.

В 2010 году умер брат Пётр Григорьевич Неплюев.

В том же 2010 году умер крёстный Иван Семёнович Назаренко.

За эти годы не стало многих дорогих этой семье людей. Они были ещё молоды, но спасали от невидимой беды всех нас. Как выяснилось, спасали ценой своей жизни.

Все участники этих трагических событий в нашей стране имеют удостоверения Ликвидатора. Многие из них награждены орденами, медалями, отмечены похвальными грамотами, ценными подарками и главное, всяческой помощью государства как участники ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.

ГЛАВА 5

Григорий Григорьевич Неплюев – младший сын этого семейства так же участвовал в тех событиях. Ещё будучи студентом, вместе с отцом, братом и мамой активно помогал в рекультивации земель, мыл чистой водой сельскохозяйственную технику, отмывал от радиоактивной пыли животных, заготавливал корма. После окончания учебного заведения парень также принимал участие в ликвидации последствий аварии. Выполнял все предписанные тогда работы. В мае 1989 года был призван на срочную службу в армию. Попал в учебный отряд Военно-морского флота, в отделение по подготовке военных минёров.

За эти годы Григорий успел по призыву отслужить срочную службу, получив квалификацию минёра на Каспийском море, затем увлёкся кулинарией и стал корабельным поваром – комом. На Каспии в те годы было спокойно, и минёры не были востребованы.

В 1992 году в городском посёлке Берестовица (Гродненская область) семье было выделено новое жильё. Родительский дом в Брагине Неплюевы сдали государству.

Вернувшись к родителям уже в Берестовицу, Григорий по рекомендации, стал участковым милиционером. Но тяга к земле взяла своё. Григорий построил дом и обосновал небольшое фермерское хозяйство.

Есть дети. Уже взрослые, самостоятельные и, конечно, любимые.

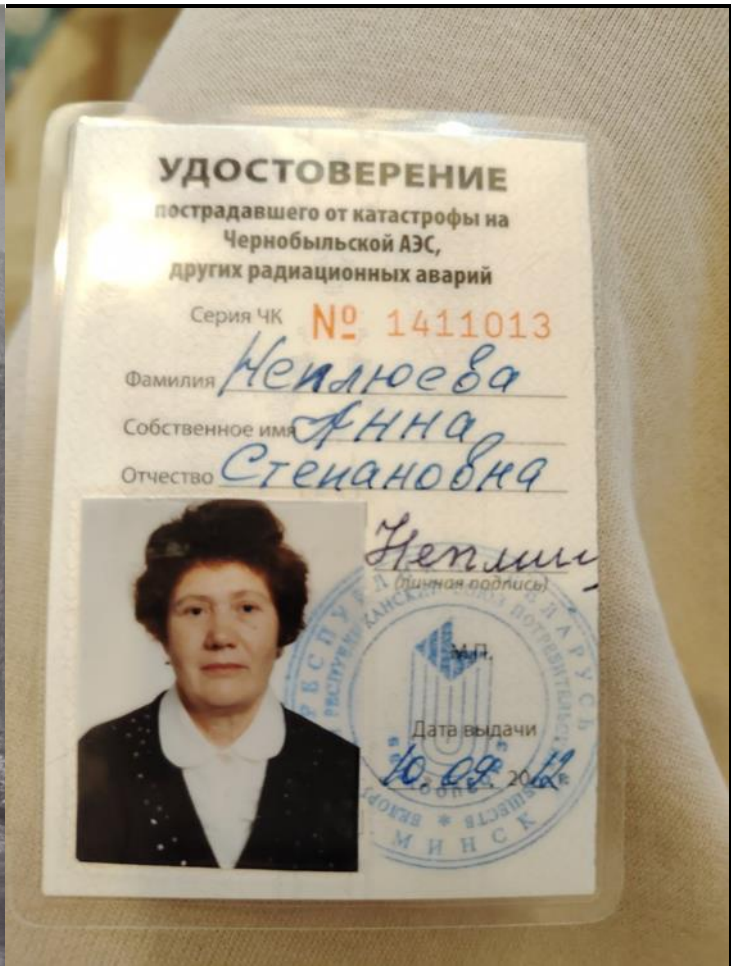
Григорий Григорьевич всегда активно участвовал в работе государственных органов, в общественной жизни. Два года назад стал председателем Совета ветеранов ликвидаторов-чернобыльцев по Гродненской области. За работу по ликвидации последствий катастрофы на атомной станции и за общественную работу он имеет награды и знаки отличия.

Человек он весёлый, позитивный, ответственный. Поддерживает свою старенькую маму и тесно общается с близкими ему людьми. Решает вместе с правительством и местными органами власти задачи по оказанию помощи, по решению социальных и юридических проблем ликвидаторов-чернобыльцев.

А мы желаем ему и всем этим благородным, мужественным людям – ликвидаторам-чернобыльцам – здоровья и долгих, активных, счастливых лет жизни.

На фото: хроника семьи Неплюевых.

Станислав ВИШНЕВСКИЙ

Р Ы Ж И Й Л Е С

1986 год, 28 апреля. В квартире зазвонил телефон. Звонила жена друга: «Слава, срочно заberi детей с улицы домой, закройте форточки, сидите дома. В городе повышенный фон радиации». На мой шуточный ответ о дружбе с солнечной радиацией последовал ответ: «Это не солнечная». Информация об этом пришла от моего товарища, который служил в штабе армии....

Никто тогда ещё не слышал, что в Чернобыле 26 апреля 1986 года, в пятницу ночью, в 01.23.47 на четвёртом энергоблоке произошёл взрыв, разрушивший реактор.

В те дни все готовились к Первомайским праздникам. Никто не проинформировал население о возможных последствиях. В такие жаркие дни проводилось много мероприятий с участием большого количества людей, в том числе детей. Позже, когда люди узнали о радиационной обстановке из передач зарубежных радиостанций, началась настоящая паника.

Официальной информации не было, СМИ молчали.

Вот как в своих воспоминаниях об этом писал начальник УВД Минского горисполкома, генерал-майор В. А. Ковалёв:

«1-го мая я был на площади Ленина и занимался расстановкой нарядов, которые должны были обеспечивать общественный порядок во время демонстрации. Примерно в 9.30 ко мне подошёл секретарь горкома Георгий Станиславович Таразевич и спросил, есть ли у меня информация об аварии на Чернобыльской АЭС и получал ли я какие-нибудь указания от МВД. Я ответил, что мне ничего неизвестно. Позвонил в дежурную часть МВД, никто ничего не знает. Сообщений в средствах массовой информации не было. Хотя те, кто слушал зарубежные радиопередачи или, как их называли, «вражеские голоса», знали о взрыве и распространяющемся радиоактивном облаке. Лишь после праздничной демонстрации об аварии сообщили сначала в Москве, потом у нас».

Только 3 мая 1986 года было принято правительственное решение о переселении в безопасные места проживания жителей населённых пунктов Брагинского, Хойникского и Наровлянского районов Гомельской области, входивших в 30-километровую зону, прилегающую к АЭС...

После аварии в республике начали формироваться отряды МВД БССР для поддержания порядка и охраны зоны отчуждения от проникновения в заражённую местность, предотвращения мародёрства и хищения имущества, загрязнённого радиацией.

Первые отряды были сформированы из сотрудников местного РОВД. Впоследствии их заменили сводные отряды милиции со всей республики.

И вот прошло сорок лет с момента той страшной катастрофы. Я разговариваю с «чернобыльцем» Анатолием Фёдоровичем Николаевичем, ветераном УВД Гродненской области.

Лето 1988 года... Анатолий Фёдорович в то время был заместителем начальника следственного управления УВД. Его вызвал к себе один из руководителей УВД и предложил возглавить сводный отряд от УВД по охране зоны отчуждения в Чернобыле, так как офицер, ранее назначенный на эту должность, заболел и не мог исполнять свои обязанности. Отряд формировался из представителей всех районных отделов милиции области. Комиссаром отряда был Сергей Викторович Шейн, в то время заместитель начальника Островецкого районного отдела милиции по кадровой и идеологической работе.

Двумя автобусами личный состав сводного отряда привезли в деревню Тешков Наровлянского района Гомельской области, поселили в здании бывшей школы. Ребята сменили отряд

из Брестской области. В зоне ответственности отряда была охрана Ельского и Наровлянского районов.

– Сразу по приезде на вверенную нам территорию я поехал знакомиться с начальником местной милиции А. И. Дорошевичем. Встретил он меня радушно и сразу предупредил: «Если увидишь рыжий ельник, ни в коем случае не останавливайся, а выходить из машины даже не думай: очень большая радиация».

Природа вокруг была великолепная, но всё дышало какой-то тревогой, одиночеством и запустением. А где-то там, вдалеке, стоял «рыжий лес», о котором говорил коллега. Спокойный, как обычно, но мёртвый. Деревья не плакали смолистыми слезами, слёз не было, плачут живые. Они погибли стоя, лишь сменив зелёное одеяние жизни на траурное, рыжее, так не подходящее им, высоким и стройным. От этого противоестественного, траурного вида было неуютно: веяло холодом и тревогой. Обожжённые деревья стояли молча, как бы предупреждая нас о той смертельной опасности, которая уничтожила их жизнь за час. Это не были кадры из апокалипсического фильма, это было наяву. Складывалось ощущение какой-то страшной сказки. Но это не была сказка, там не жили сказочные герои, там – невидимая тихая, спокойная и абсолютно безжалостная смерть. Теперь это место стало её владением на очень-очень долгое время. Человек сам выпустил смерть на свободу случайно, преступно, по глупости.

И смерть обосновалась не только в лесу, но и на огромной территории, с полным безразличием к людям.

Произошла трагедия. Герои, первыми вступившие в схватку со смертью, спасали мир. Одни для этого пожертвовали своей жизнью, другие здоровьем. А теперь необходимо было охранять эту территорию от безрассудных людей, стремящихся попасть туда, чтобы пощекотать себе нервы, играя со смертью, или с целью чем-либо поживиться.

– Мы жили в здании средней школы, – продолжает свой рассказ Анатолий Фёдорович, – а по соседству в клубе расположились военнослужащие, которые были заняты работой по расчистке территории от завалов после аварии на АЭС. Территория, на которой мы проживали, была размечена флажками, где можно ходить, а где нежелательно. Поначалу мы передвигались, где нам предписывалось, в респираторах, защищающих от радиационной пыли органы дыхания. Но ужасная жара сделала своё дело, мы быстро перестали замечать разметочные флажки и носить респираторы. Работали без выходных, смена длилась двенадцать часов. Под нашим контролем была вся тридцатикилометровая зона и прилегающие деревни.

Зона уже была поделена на две части. «Чёрная» – территория с большим уровнем радиации – находилась по 10-15-километровому радиусу. А в радиусе 30 км от АЭС была проведена «красная» зона, откуда тоже вывезли население. Людей – то вывезли, но они, особенно старики, тянулись к ней, стараясь вернуться обратно.

– Бывали разные случаи, но один запомнился особенно. Звонит дежурный с поста, докладывает о задержании бабушки и её внука. Она собрала корзину радиоактивной клубники и никак не хочет её выбросить. Выехал на место. Стоит бабушка, корзина полная прекрасной, спелой клубники, казалось бы, сам съел. Стал уговаривать выкинуть заражённую ягоду, она – ни в какую, одни причитания: «Сынок, это же моя клубничка чистенькая, я её сама сажала, ухаживала, удобряла она такая полезная, разве можно такую красавицу на землю выбросить. Ты посмотри, она сама в рот просится, такая красавица».

На все мои уговоры отвечала отказом, говоря: «Тут мои деды-прадеды ещё жили, я тут родилась и помру, это всё моё родненькое: и земелька, и хата моя. Как же мне жить-то без них?!». Видя такое упрямство, я приложил дозиметр к ягоде, показатели зашкаливали. Стал

объяснять смертельную опасность от употребления этой «красавицы». В ответ: «Твой прибор неправильный, я ягоду пробовала, она вкуснейшая».

Понимая бесполезность всех мирных переговоров, пришлось прибегнуть к крайним мерам и сказать: «Мать, ты свой век прожила, дай бог каждому столько, но убивать внука я тебе не дам». Взял корзину с ягодой и одним махом высыпал в канаву. После этого посадил их в машину и отвёз в деревню, куда их переселили.

– Вид находящихся рядом деревень уже был удручающий, всё в запустении, дома стояли с разбитыми окнами, пустые, осиротевшие, брошенные хозяевами, они уже были не нужны. Страшное и непонятное словосочетание: «ненужный дом». Дома ещё живые, могут быть полезными, но они уже не нужны людям. Они были похожи на одиноких, забытых, стариков, которые отдали всё, а теперь перестали быть нужными. Как-то не по себе становится от понимания этой «никотуненужности». Огороды заросли травой выше окон, одичавшие собаки и кошки ходили вокруг. Фруктовые деревья в садах гнулись от урожая, который не будет собран. Ягоды вишнёвых деревьев, падали на радиоактивную землю. Дикая звери ходили совершенно спокойно, не обращая на нас особого внимания, лишь поглядывая в нашу сторону издалека. Нам встречались кабаны, лисы, волки, зайцы. Мы контролировали вверенную территорию и часть реки Припять. На берегу был пост. Двумя моторными лодками мы пользовались, прогоняя рыбаков, ловивших, бывало, заражённую рыбу. Приходилось и за мародёрами гоняться.

Досуг был организован очень достойно. Регулярно, четыре раза в неделю, привозили новые фильмы, приезжали коллективы художественной самодеятельности, постоянно свежие газеты, журналы, по вечерам – телевизор. Командировка продлилась месяц, захватив часть июня и июля 1988 года.

На протяжении многих лет Анатолий Фёдорович будет поддерживать контакт со многими участниками сводного отряда, с которыми провёл тот тревожный месяц.

После командировки – отпуск две недели. И опять рабочие будни...

Двадцать восемь лет отданы служению Отечеству, но эти тридцать дней останутся в памяти Анатолия Фёдоровича Николаевича навсегда.

Память о событии, произошедшем 26 апреля 1986 года, останется не только у тех, кого мы называем ликвидаторы, но и всего белорусского народа, больше всех пострадавшего от этой страшной трагедии. Людям, принимавшим участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, – земной поклон и бесконечная благодарность!

